Хорошим людям — доброе утро

Сегодня у нас праздник. У нас с мамой всегда праздник, когда прилетает дядя Николай — старый друг моего отца. Они имеете учились когда-то еще в школе, сидели на одной парте и воевали против фашистов: летали на тяжелых бомбардировщиках.

Своего папу я ни разу не видел. Он был на фронте, когда я родился. Я его видел только на фотографиях. Они висели в нашей квартире. Одна, большая, в столовой над диваном, на котором я спал. На ней папа был в военной форме, с погонами старшего лейтенанта. А две другие фотографии, совсем обыкновенные, гражданские, висели в маминой комнате. Папа там — мальчишка лет восемнадцати, но мама почему-то любила эти папины фотографии больше всего.

Папа часто снился мне по ночам. И может быть, потому, что я его не знал, он был похож на дядю Николая.

…Самолет дяди Николая прибывал в девять часов утра. Мне хотелось его встретить, но мама не разрешила, сказала, что с уроков уходить нельзя. А сама повязала на голову новый платок, чтобы ехать на аэродром. Это был необыкновенный платок. Дело не в материале. В материалах я мало разбираюсь. А в том, что на платке были нарисованы собаки разных пород: овчарки, мохнатые терьеры, шпицы, доги. Столько собак сразу можно увидеть только на выставке.

В центре платка красовался громадный бульдог. Пасть у него была раскрыта, и из нее почему-то вылетали нотные знаки. Музыкальный бульдог. Замечательный бульдог. Мама купила этот платок давно, но ни разу не надевала. А тут надела. Можно было подумать, что специально берегла к приезду дяди Николая. Завязала кончики платочка сзади на шее, они еле дотянулись, и сразу стала похожа на девчонку. Не знаю, как кому, а мне нравилось, что моя мама похожа на девчонку. Очень, по-моему, приятно, когда мама такая молодая. Она была самая молодая мама в нашем классе. А одна девочка из нашей школы, я сам слышал, просила свою маму, чтобы та сшила себе такое пальто, как у моей мамы. Смешно. Тем более что пальто у моей мамы старое. Даже не помню, когда она его шила. В этом году у него обтрепались рукава, и мама их подогнула. «Теперь модны короткие рукава», — сказала она. А платочек ей очень шел. Он даже делал новым пальто. Вообще я на вещи не обращаю никакого внимания. Готов ходить десять лет в одной форме, только

чтобы мама покрасивее одевалась. Мне нравилось, когда она покупала себе обновки.

На углу улицы мы разошлись в разные стороны. Мама заторопилась на аэродром, а я пошел в школу. Шагов через пять я оглянулся, и мама оглянулась. Мы всегда, когда расстаемся, пройдя немного, оглядываемся. Удивительно, но мы оглядываемся почти одновременно. Посмотрим друг на друга и идем дальше. А сегодня я оглянулся еще раз и издали увидел на самой маминой макушке бульдога. Ох, до чего он мне нравился, этот бульдог! Музыкальный бульдог. Я ему тут же придумал имя: Джаз.

Я едва дождался конца занятий и помчался домой. Вытащил ключ — у нас с мамой отдельные ключи и потихоньку открыл дверь.

— Поедем в Москву, — услыхал я громкий голос дяди Николая. — Мне дали новую квартиру. И Толе будет со мной лучше, и ты отдохнешь.

У меня гулко забилось сердце. Поехать в Москву вместе с дядей Николаем! Я давно тайно мечтал об этом. Поехать в Москву и жить там втроем, никогда не расставаясь: я, мама и дядя Николай. Пройтись с ним за руку на зависть всем мальчишкам, провожая его в очередной полет. А потом рассказывать, как он летает на пассажирском турбовинтовом лайнере Ил-18. На высоте шести тысяч метров, выше облаков. Это ли не жизнь? Но мама ответила:

— Я еще не решила. Надо поговорить с Толей.

«Ох, боже мой, она еще не решила! — возмутился я. — Ну конечно, я согласен».

— Право, мне смешно. Что он так запал тебе в память? — Это дядя Николай заговорил о моем отце. Я уже хотел войти, но тут остановился. — Прошло столько лет. Ты и знала-то его всего полгода.

— Таких помнят вечно. Он был добрый, сильный и очень честный. Один раз мы с ним заплыли на Адалары, в Гурзуфской бухте. Влезли на скалу, и я уронила в море бусы. Он прыгнул в воду не раздумывая, а скала была высотой метров двадцать. Смелый.

— Ну, это просто мальчишество, — сказал дядя Николай.

— А он и был мальчишкой, и погиб мальчишкой. В двадцать три года.

— Ты его идеализируешь. Он был обыкновенный, как все мы. Кстати, любил прихвастнуть.

— Ты злой, — сказала мама. — Я даже не предполагала, что ты злой.

— Я говорю правду, и тебе это неприятно, — ответил дядя Николай. — Ты вот не знаешь, а он не погиб в самолете, как тебе писали. Он попал в плен.

— Почему ты раньше об этом не рассказал?

— Я сам недавно узнал. Нашли новые документы, фашистские. И там было написано, что советский летчик старший лейтенант Нащоков сдался в плен без сопротивления. А ты говоришь, смелый. Может быть, он оказался трусом.

— Замолчи! — крикнула мама. — Сейчас же замолчи! Ты не смеешь о нем так думать!

— Я не думаю, а предполагаю, — ответил дядя Николай. — Ну, успокойся, это ведь давно прошло и не имеет к нам никакого отношения.

— Имеет. Фашисты написали, а ты поверил? Раз ты так думаешь о нем, тебе нечего приходить к нам. Ты нас с Толей не поймешь.

Мне надо было войти и выгнать дядю Николая за его слова о папе. Мне надо было войти и сказать ему что-нибудь такое, чтобы он выкатился из нашей квартиры. Но я не смог, я боялся, что, когда увижу маму и его, просто разревусь от обиды. Раньше чем дядя Николай успел ответить маме, я выбежал из дома.

На улице было тепло. Начиналась весна. Около подъезда стояли знакомые ребята, но я отвернулся от них. Я больше всего боялся, что они видели дядю Николая и начнут меня расспрашивать о нем. Я ходил, ходил и все думал про дядю Николая и никак не мог додуматься, зачем он так плохо сказал о папе. Ведь он знал, что мы с мамой любим папу. Наконец я вернулся домой. Мама сидела за столом и царапала ногтем скатерть.

Я не знал, что мне делать, и взял в руки мамин платок. Стал его рассматривать. На самом уголке был нарисован маленький ушастый песик. Не породистый, обыкновенный дворняга. И красок художник для него пожалел: он был серенький с черными пятнами. Песик положил морду на лапы и закрыл глаза. Печальный песик, не то что бульдог Джаз. Мне его стало жалко, и я решил ему тоже придумать имя. Я назвал его Подкидышем. Не знаю почему, но мне показалось, что это имя ему подходит. Он на этом платке был какой-то случайный и одинокий.

— Знаешь, Толя, уедем в Гурзуф. — Мама заплакала. — На Черное море. Дед давно ждет нас.

— Хорошо, мама, — ответил я. — Уедем, только ты не плачь.

* * *

Прошло недели две. Как-то утром я открыл глаза, а над моим диваном, на стене, где висел папин портрет в военной форме, — пусто. От него осталось только квадратное темное пятно. Я испугался: «Вдруг мама поверила дяде Николаю и поэтому сняла папин портрет? Вдруг поверила?» Вскочил, побежал в ее комнату. На столе стоял открытый чемодан. А в нем были аккуратно уложены папины фотографии и его старая летная фуражка, которая сохранилась у нас от довоенного времени. Мама собирала вещи в дорогу. Мне очень хотелось поехать в Гурзуф, но почему-то стало обидно, что на стене вместо папиной фотографии — темное пятно. Грустно как-то, и все.

И тут ко мне пришел мой лучший друг Лешка. Он был самый маленький в нашем классе, а сидел на высокой парте. Из-за нее виднелась только Лешкина голова. Он сам себя поэтому прозвал «голова профессора Доуэля». Но у Лешки одна слабость: он болтал на уроках. И учительница часто делала ему замечания. Однажды на уроке она сказала: «У нас есть девочки, которые очень много внимания уделяют своим прическам». Мы повернулись в сторону Лешкиной парты, знали, что учительница намекает на его соседку. А он встал и говорит: «Наконец это, кажется, ко мне не относится». Глупо, конечно, и совсем не остроумно. Но получилось ужасно смешно. После этого я просто влюбился в Лешку. Многие над ним смеялись, что он маленький и голос у него тоненький, девчачий. А я нет.

Лешка протянул мне письмо.

— Перехватил у почтальона, — сказал он. — А то ключ доставать да лезть в почтовый ящик.

Письмо было от дяди Николая. Я совсем расквасился. Сам не заметил, как у меня слезы выступили на глазах. Лешка растерялся. Я никогда не плакал, даже когда схватился за горячий утюг и сильно обжег руку. Лешка пристал ко мне, и я все ему рассказал.

— Про твоего папку — это сущая ерунда. Столько орденов получил за храбрость — и вдруг струсил! Ерунда. А на этого Николая наплюй! Был и нет. И все. Зачем он вам?

«Нет, этого даже Лешка понять не мог. У него был отец, а у меня его никогда не было. А дядя Николай так мне раньше нравился! — подумал я. — Был и нет. И все. Веселый Лешка!»

Вечером я отдал письмо маме. Она взяла новый конверт, запечатала туда невскрытое письмо дяди Николая и сказала:

— Скорей бы кончались занятия в школе. Поедем в Гурзуф, и ты будешь бродить по тем самым местам, где бродили мы с папой.

* * *

От Симферополя до Алушты мы ехали автобусом. В автобусе маму сильно укачало, и мы пересели на теплоход.

Теплоход ходил рейсом от Алушты до Ялты, через Гурзуф. Мы сели на носу и стали ждать отправления. Мимо прошел широкоплечий краснолицый моряк в темных очках, посмотрел на маму и сказал:

— Вас здесь зальет водой.

— Ничего, — ответила мама. Она вытащила из сумки платочек и повязала голову.

Моряк поднялся в рубку. Он был капитаном. И теплоход отчалил.

Из Гурзуфской бухты дул сильный ветер и поднимал волну. А нос теплохода разбивал волну, и брызги крупными каплями падали на нас. Несколько капель упало на мамин платок. На том месте, где стоял бульдог Джаз, появилось большое пятно. Мое лицо тоже было мокрым. Я облизнул губы и закашлял от соленой морской воды.

Все пассажиры ушли на корму, а мы с мамой остались на прежних местах.

Наконец теплоход причалил, и я увидел деда — маминого папу. Он был в парусиновой куртке и матросской тельняшке. Когда-то дед плавал корабельным коком, а теперь он работал поваром в городской чебуречной. Делал чебуреки и пельмени.

Теплоход ударился о деревянный помост, матрос укрепил причальный трос. Капитан высунулся в окошко:

— Привет коку! В Ялту собрался?

— Привет, капитан! Дочь встречаю, — ответил дед и заспешил к нам навстречу.

А мама, как увидела деда, бросилась к нему и вдруг заплакала.

Я отвернулся.

Капитан снял темные очки, и лицо у него стало обыкновенным.

— Слушай, братишка, надолго вы сюда?

Я сначала не понял, что он обращается ко мне, а потом догадался. Рядом никого не было.

— Мы, — говорю, — насовсем.

— А… — Капитан понимающе покачал головой.

* * *

Я проснулся от незнакомого запаха. Я спал во дворе под персиковым деревом. Это оно так незнакомо пахло. На скамейке сидела мама. Она была одета так же, как вчера. И поэтому мне показалось, что мы все еще в дороге, все еще не приехали. Но мы приехали. Просто мама не ложилась спать.

— Мама, — спросил я, — что мы будем делать?

— Не знаю, — ответила мама. — А в общем, знаю. Завтракать.

Скрипнула калитка, и во двор вошла маленькая полная женщина в домашнем халате.

— Здравствуйте, — сказала она, — с приездом. Я ваша соседка, Волохина Мария Семеновна. Уж как ждал вас старик! Уж как ждал! Все говорил: «У меня дочь красавица». — Соседка как-то непонятно замурлыкала. — Я-то думала, всем отцам их дочери кажутся красавицами. А теперь вижу, что не хвастал…

— Добрый день, — перебила ее мама. — Присаживайтесь.

— Мария! — раздался мужской голос из-за забора. — Я ухожу на работу!

— Подождешь! — грубо ответила женщина и снова повернулась к маме. Мой. Все ему некогда! Такая красотка и без муженька! — продолжала соседка. Ну, здесь вы не пропадете. На курортах мужчины ласковые.

— Перестаньте, — сказала мама и посмотрела в мою сторону.

— Мария! — снова раздалось из-за забора. — Я ухожу!

Соседка убежала. А мы с мамой позавтракали и пошли гулять по городу. Людей на узких гурзуфских улицах было мало. Местные работали, а отдыхающие сидели у моря. Была очень сильная жара. Асфальт перегрелся и прогибался под ногами, как подушка. Но мы с мамой ходили и ходили. Я молчал, и мама молчала. Мне казалось, что мама хочет замучить себя и меня. Наконец мы спустились к морю.

— Можешь выкупаться, — сказала мама.

— А ты?

— Я не буду.

Море было теплым и тихим. Я плыл долго и все ждал, когда мама крикнет, чтобы я возвращался. Но мама не кричала, а я уже устал. Тогда я оглянулся. Мама сидела, как-то неловко поджав под себя ноги. Я подумал, что мама похожа на раненую птицу. Один раз я нашел на озере утку с перебитым крылом, она также как-то неловко сидела. Я поплыл назад. Вылез на берег. От напряжения у меня дрожали ноги и в ушах сильно стучало. Лег животом на горячие камни и опустил голову на руки. Совсем рядом зашуршали камни, кто-то прошел чуть ли не по моей голове и остановился. Я приоткрыл глаза и увидал ноги в исцарапанных и сбитых от постоянного хождения по камням сандалиях. Я поднял голову. За маминой спиной стояла маленькая девочка и рассматривала собак на платке. Когда она заметила, что я уставился на нее, то отвернулась от собак.

— Тебя как зовут? — спросил я.

— Сойка, — ответила девочка.

— Сойка? — удивился я. — Это птичье имя. А может быть, ты лесная птица из породы воробьиных?

— Нет. Я девочка. Я живу на Крымской улице, дом четыре.

«Ну, Сойка так Сойка, — подумал я. — Мало ли каких имен не придумывают родители для своих детей! У нас, например, в классе учился мальчик, которого звали Трамвай. Его отец был первым вагоновожатым на первой трамвайной линии, проложенной в городе. Это было, можно сказать, историческое событие. В честь этого он дал своему сыну имя Трамвай. Не знаю, как они называют его дома: Трамвайчик, или Трамчик, или Трамваюшко? Язык сломаешь. Комедия. А Сойкин отец, вероятно, охотник».

— Сойка, — спросил я, — твой отец охотник?

— Нет. Он колхозный рыбак. Бригадир.

Мама повернулась, посмотрела на Сойку и сказала:

— Ее зовут не Сойка, а Зойка. Правда? (Девочка кивнула.) Просто она еще маленькая и не выговаривает букву «з». — До свидания, Зойка, — сказала мама.

— До свидания, Сойка, — сказал я. Теперь мне больше нравилось имя Сойка. Смешное имя и какое-то ласковое.

Деда дома не оказалось. Он пришел значительно позже, когда на соседнем дворе уже раздавались голоса курортников. Наша соседка сдавала внаем комнаты приезжим.

Дед пришел веселый. Он похлопал меня по плечу и сказал:

— Ну, вот что, Катюша (это так зовут мою маму), завтра пойдешь наниматься на работу. Я уже договорился. В санаторий, по специальности, медицинской сестрой.

— Вот это хорошо! — сказала мама.

И вдруг дед вскипел. Он даже закричал на маму:

— Долго ты будешь в прятки со мной играть? Что у тебя случилось?

Мама рассказала деду про дядю Николая и про то, что он говорил о папе.

— Все это твои придирки к Николаю. Он хороший парень.

— Он был бы плохим отцом для Толи, — упрямо сказала мама.

— Толя, Толя! Семь пядей во лбу. Толя первое время мог бы пожить у меня.

— Я не останусь без мамы, — сказал я. — И она тоже никуда не поедет. Я не люблю дядю Николая.

— А ты-то что? Ты даже не знал своего отца. Николай его обидел! А если Николай прав, если он до сих пор где-нибудь живет там, в чужой стране?

Дед сказал страшное. «Папа живет там, в чужой стране? — подумал я. Значит, он просто предатель».

— Этого не может быть, — сказал я.

— Много ты понимаешь в людях! — ответил дед.

— Отец, сейчас же замолчи! — закричала мама. — Подумай, что ты говоришь?..

Последних слов ее я уже не слышал. Я выскочил из дому и побежал по темным улицам Гурзуфа.

— Толя, Толя! — послышался голос мамы. — Вернись!.. Толя-а!..

Я решил тут же уехать от деда, раз он мне такое сказал. Он, видно, меня ненавидит, потому что я как две капли воды похож на своего отца. И мама из-за этого никогда не сможет забыть про папу. У меня не было ни копейки денег, но я прибежал на пристань. Там стоял тот самый теплоход, на котором мы приехали в Гурзуф. Я подошел к капитану и спросил:

— На Алушту?

— На Алушту!

Я думал, что капитан меня узнает, но он меня не узнал. Я немного прошелся по причалу и снова подошел к капитану:

— Товарищ капитан, вы меня не узнали? Мы вчера приехали с мамой на вашем теплоходе.

Капитан внимательно посмотрел на меня.

— Узнал. А ты куда один так поздно?

— Надо в Алушту, срочно. А денег у меня нет, не успел у мамы захватить. Пропустите без билета, а я потом вам отдам.

— Ладно, садись, — сказал капитан. — Довезу.

Я проскочил на теплоход, пока капитан не передумал, и уселся на последней скамейке, в углу.

Теплоход отчалил, качаясь на волнах. За бортом мелькали береговые огоньки. Они все больше и больше удалялись, а впереди было черное ночное море. Оно шумело за бортом, обдавало меня холодными брызгами.

Ко мне подошел матрос и сказал:

— Эй, паренек, тебя капитан зовет в рубку.

Я встал и пошел. Идти было трудно, сильно качало, и палуба уходила из-под ног.

Капитан стоял за рулем и смотрел в темноту. Не знаю, что он там видел. Но он смотрел пристально и изредка крутил колесо то в одну, то в другую сторону. Над ним горела тусклая электрическая лампочка, и такие же лампочки горели на носу и на корме теплохода. Наконец капитан оглянулся:

— Ну, что там у тебя стряслось?

Я промолчал. Мне нечего было говорить этому чужому человеку. Но он ко мне пристал, и я в конце концов сказал:

— С дедом поругался…

— Так, — сказал капитан и снова уставился в темноту.

Я начал говорить, что уезжаю к своему приятелю Лешке и там как-нибудь устроюсь, но тут наш теплоход загудел и заглушил все мои слова.

— Так, — снова сказал капитан, — а как же мама? Ох эти гордые сыновья они всегда думают только о своей персоне! А что бы им подумать о маме?

— Маму жалко, — ответил я.

— А деда не жалко? Старик погорячился, а ты сразу в амбицию.

Я не стал отвечать капитану — ведь он ничего не знал…

— А твой дед славный человек. Чебуреки делает — пальчики оближешь.

— Это не самое главное. — Я со злостью отвернулся.

Навстречу нам шел катер. Он тоже в ответ загудел. Катер был маленький, его почти не было видно в ночном громадном море, только электрические лампочки, которые висели на нем, плыли, раскачиваясь на волнах.

— У него три сына на войне погибли, — сказал капитан. — Здесь, в Крыму, мы вместе воевали. Несколько дней были в бою. Устали и ночью легли поспать, крепко прижавшись друг к другу. А утром встать не можем, примерзли к земле. Поотрывались — и в бой. Они все трое так и погибли в этом бою. Холодно было воевать.

Капитан замолчал. Из-за шума волн и гула машины говорить было трудно, приходилось все время кричать. Мы молчали до самой Алушты. Когда

причалили, я повернулся и пошел. Медленно так. Вышел на пристань. Постоял. Потом появился капитан. Он мне сказал:

— Я на твоем месте вернулся бы назад. Нехорошо так. Завтра я к вам зайду и все улажу. Мы с твоим дедом старые друзья.

— Не могу я.

— А я все же на твоем месте вернулся бы назад. Мать сейчас небось по всему Гурзуфу бегает, тебя ищет. — Капитан закурил. — Привычка с войны. Никак не могу бросить курить. Ну, пошли в обратный рейс. — Капитан бросил папиросу в море и тяжело прыгнул на палубу теплохода. А я следом за ним. Сел на свое старое место и просидел до самого Гурзуфа. Когда причалили, я услыхал голос деда:

— Костя, ты не видел, мой паренек не уезжал с тобой рейсом на Алушту?

Капитан промолчал. Тогда я сказал:

— Здесь я! — и вышел на пристань.

* * *

Мама и дед уходили на работу рано и я оставался один. Каждое утро я просыпался от одних и тех же слов: «У-ух ты, зайчишка мой! У-ух ты, зайчишка какой!» Это наш сосед Волохин играл со своим маленьким сынишкой, пока его жена торговала персиками на базаре.

Но сегодня Волохин не играл с сыном, а отчаянно ругал свою жену. Я вышел на улицу. У Волохиных калитка была открыта, и по двору с ребенком на руках расхаживал Волохин — длинный белесый мужчина. Он помахал мне рукой и заискивающе попросил:

— Моя ушла и пропала. А мне надо уходить. Посиди, пожалуйста, с зайчишкой.

Не успел я опомниться, как «зайчишка» оказался у меня на руках, а Волохина и след простыл.

Ребенок был толстый, лицо у него было как помидор. Я начал его трясти и раскачивать, но он не произносил ни звука. «Немой какой-то, — подумал я. Ни разу не слышал его голоса». У меня устали руки, и я опустил «зайчишку» на землю. И вдруг он как заорет. Пришлось снова взять его на руки и продержать до прихода Волохиной.

— Мой длинный уже убежал? — спросила Волохина. — Дырявая калоша! Другие

мужья с женами на базаре торгуют. А этому неудобно. Он физрук в санатории, и его могут узнать отдыхающие. Начальник!

Я выскользнул в калитку и направился к морю. Шел по набережной и стучал палкой о железную изгородь городского парка, в который никого из местных жителей не впускали. Там построили санаторий. И тут я увидел Волохина — он играл в теннис с толстым мужчиной.

Волохин заметил меня, подбежал к изгороди. Он вытер со лба пот рукой и сказал:

— Работаю. Восстанавливаю нормальный вес у больного. Ну как, моя ругалась?

— Ругалась.

— Жестокая женщина. — Он рассмеялся. — Но хозяйка первый сорт. Во всем у нее расчет. Давай заходи.

— Меня же не пропустят, — сказал я.

— Давай заходи. — Волохин тряхнул головой. — Я дам команду.

Я подошел к входу в парк.

— Ивановна, запомни этого паренька, — сказал Волохин контролерше. Чтобы всегда, в любой час, его пропускали.

Весь день я проторчал в парке, подавал волейболистам мяч, играл с толстым курортником вместо Волохина в теннис. А вечером, когда вернулся домой, застал у нас Волохину. Она разговаривала с мамой.

— Народу в этом году приехала тьма. Ты почему, Катерина, не сдаешь комнаты? Лишние деньжонки не в тягость карману.

— У нас тесно, — ответила мама.

— Слушай, что я тебе скажу. — Волохина наклонилась к маме. — У меня отдыхающих уже много, в милиции больше не пропишут, а места еще есть. Ты давай оформляй их на свою площадь в милиции, а жить они будут у меня. Десять рублей тебе за это.

— Нет, — ответила мама. — Нам своих денег хватает.

— Даровые же деньги…

— Толя, ты ужинать будешь? — спросила мама.

— Да, — ответил я и посмотрел на Волохину.

— Ишь какие! — сказала она со злостью. — Разыгрывают из себя честных. А у самой-то муженек!.. Это всем известно.

Волохина хлопнула калиткой и ушла. Мы с мамой сидели молча и про ужин забыли. А Волохина стояла у забора и громко разговаривала с какой-то отдыхающей про войну, про то, как ее муж честно воевал, а некоторые сдавались в плен.

На другой день, когда я проходил мимо парка, меня окликнул толстый курортник и позвал играть в теннис. У входа я наскочил на Волохина.

— А, сосед, — сказал Волохин. Он взял меня за плечо и подвел к контролерше. — Ивановна, чтоб больше этого паренька здесь не было. Ходят всякие посторонние. До свидания, дорогой! — И Волохин помахал рукой. Привет маме!

Я не знал, что делать. Если бы я был взрослым, то подрался бы с Волохиным. Я взобрался на гору к развалинам старинной татарской крепости и просидел там целый день. Когда я возвращался домой, то увидел маму, а в нескольких шагах позади нее дядю Костю. Я не стал их нагонять, а пошел следом.

Так мы шли друг за другом. Дядя Костя почему-то не догонял маму. А я не догонял ни маму, ни дядю Костю.

У калитки нашего дома прогуливался Волохин с ребенком на руках.

— А у этой женщины, зайчишка, — показал Волохин на мою маму, — муж бяка.

Мама ничего не ответила Волохину и прошла в калитку, а к нему подошел дядя Костя.

— Вот что, почтенный, — сказал дядя Костя, — если ты еще раз скажешь эти слова, я тебе… В общем, будешь иметь дело со мной!

— Но-но-но… — Волохин отступал к своей калитке. — Осторожнее! У меня ребенок на руках.

Я подошел вплотную к дяде Косте. Лицо его стало красным. Я подумал, что он сейчас ударит Волохина, но он тихо сказал:

— Великолепный негодяй. Прикрывается ребенком.

Мама ждала нас во дворе. Она сказала мне:

— Зря мы приехали в Гурзуф. Все у нас здесь не ладится.

— Да бросьте вы обращать внимание на всяких негодяев! — сказал дядя Костя.

А я подумал, что мама права. Жили бы мы на старом месте, там хоть Лешка был. Он верный друг.

Дядя Костя ушел. Мы с дедом сидели во дворе, когда почтальон принес мне новое письмо от Лешки. Я разорвал конверт. В нем, кроме маленькой Лешкиной записки, оказалось еще одно письмо, в белом конверте, с обратным адресом, написанным не по-русски. Скоро я разобрал, что оно было из Чехословакии. «Странно, — подумал я. — Маме письмо из Чехословакии». Я подержал его в руках, и неясная тревога вдруг овладела мной. Почему-то не хотелось бежать к маме с этим письмом. Но тут мама сама вышла во двор.

— Толя, ты не видел моего платка? — спросила мама. — Ах, как жалко! Кажется, я его потеряла. Милый платочек. И память о нашем городе.

— Мама, — сказал я, — тебе письмо из Чехословакии. Леша переслал. Оно прибыло на наш старый адрес.

— Из Чехословакии? — удивилась мама и сразу забыла про платок.

Дед поднял голову. Мама торопливо надорвала конверт — я видел: у нее дрожали руки — и вытащила письмо.

— Почерк Карпа, — сказала она. — Я не могу читать: дрожат руки и мелькает в глазах… Ничего не вижу…

— Толя, читай, — сказал дед.

Я взял из маминых рук письмо. Там было несколько пожелтевших тетрадочных страничек. А первым лежал новенький белый листок бумаги, исписанный крупными, ровными буквами.

Я начал читать:

— «Дорогой товарищ Катерина Нащокова!

Пишет Вам письмо старый чех, дед Ионек. Точнее, пишет не дед, он не знает русского языка, а его внучек Зденек.

Слава богу, наконец-то я нашел вас. Теперь получу ответное письмо, и тогда я

успокоюсь.

Пересылаю письмо вашего мужа, погибшего на чехословацкой земле. Я должен был давно отправить вам это письмо, но во время фашистской оккупации письмо у меня хранилось отдельно от конверта с адресом. И конверт пропал, когда фашисты сожгли мой дом. Несколько лет я узнавал вашу фамилию, ведь в письме ее не было. Я писал много писем в Советский Союз, но по одним именам — Карпишек (так мы звали вашего мужа) и Катерина — много ли узнаешь?

Наконец я разыскал одного чеха-партизана из отряда вашего мужа. Он жил в Высоких Татрах. Я поехал к нему. Он меня отправил к другому партизану в Братиславу. В общем, я объездил десять человек. Все помнили русского, а фамилии его не знал никто. Командир партизанского отряда знал, но он погиб. Мой сын знал, но он тоже погиб. А потом, когда узнали вашу фамилию, начали искать ваш адрес. На это понадобилось немало времени.

Дорогая панна Катерина!

Приезжайте к нам в гости. Берите сына и приезжайте. Здесь у нас в селе в каждом доме примут вас, как родную. Приезжайте, будьте ласковы. До скорого свидания. Ваш Ионек Брейхал».

Я отложил письмо деда Ионека и посмотрел на папин почерк, на листки бумаги, пожелтевшие и высохшие. Они стали как крылья бабочек в коллекции или листья и травы в гербарии. И, не поднимая головы, я начал читать папино письмо.

— «Дорогие Катя и Толя! Давно вы не получали моих писем, а это мое последнее письмо. Больше мне уже не придется ходить по земле. На рассвете я буду в руках гестаповцев. Но сначала по порядку.

Мы возвращались с боевого задания. Бомбили тылы врага. Летели мы в одиночку. Наш самолет получил повреждение и отстал от основной группы. Над Чехословакией самолет загорелся, и я приказал всем прыгать. Последним прыгнул сам.

В ту минуту, когда я приземлился и погасил парашют, меня окружили фашисты. Их было человек десять. Они обыскали меня, отняли пистолет и твое письмо. Документы в полеты мы не брали.

«Один?» — спросил офицер.

Было раннее утро, только немного начинало сереть, и фашисты не могли рассмотреть, сколько человек сбросилось на парашютах. Видимо, они засекли

одного меня.

«Один, — сказал я. — Остальные погибли. Там, там», — и показал на небо.

Офицер засмеялся. Он что-то приказал солдатам и побежал с ними к рощице, которая виднелась вдали.

Двое солдат отвезли меня на мотоцикле в город, в гестапо. Там я пробыл десять дней, а потом попал в концентрационный лагерь. Русских в лагере не было. Одни чехи.

После гестапо мне было трудно работать: болели руки и ноги. Но не пойти на работу было нельзя. Больных отправляли в госпиталь. А оттуда никто не возвращался. И я работал.

Из лагеря мне помогли бежать чешские товарищи. Они переправили меня в партизанский отряд.

Отряд был маленький, всего человек двадцать, и нам приходилось туго. И вот мы взорвали железнодорожный мост, который был очень нужен фашистам. Они через него возили нефть из Румынии в Германию.

На другой день фашисты приехали в село, расположенное поблизости от моста, пришли в местную школу и арестовали целый класс ребят — двадцать мальчиков и девочек. Это было «наше» село. У нас там жили свои люди. Одним из таких был дед Ионек, отец партизана Франтишека Брейхала. Он нам и принес эту новость.

Фашисты дали срок три дня: если в течение трех дней не появится тот человек, который взорвал мост, дети будут расстреляны.

И тогда я решил идти к гестаповцам. Чехи меня не пускали, они сказали: «Дети наши, мы и пойдем». Но я ответил, что если пойдет кто-нибудь из них, чехов, то фашисты из мести все равно могут расстрелять ребят. А если придет русский, то дети будут спасены. И я пошел с дедом Ионеком.

Теперь ночь, а утром я пойду к фашистам. Когда ты получишь это письмо, то расскажи всем, как я погиб. Главное, найди моих товарищей по полку, пусть обо мне вспомнят.

Все. Уже рассвет. А у меня еще много дел. Сейчас я передам и письмо и конверт деду Ионеку. Он все это сохранит и, когда придет время, отправит вам.

Прощайте. Ваш Карп».

* * *

Весь вечер дед читал папино письмо. Потом он долго сморкался, теребил рукой колено и наконец сказал:

— Катенька, мне надо пройтись. Ты не возражаешь? — Он показал на папино письмо. — Я возьму его с собой.

Маме надо было идти в санаторий, чтобы сделать укол больному, и я пошел вместе с ней. Не хотелось оставаться одному. На обратном пути мы встретили Сойку, ту самую девочку, которая купалась со мной в первый день.

— У меня ваш платок. Одна тетя его нашла, а я ей сказала: «Я знаю, чей это платок»…

Сойка протянула маме платок, та развернула его и посмотрела — в какой раз! — на эту собачью выставку.

— Я дарю его тебе, — сказала мама. — Он ведь совсем детский. Собаки.

Я посмотрел на маму и понял: она не хотела, чтобы этот платок возвращался к ней и о чем-то ей напоминал. Может быть, о дяде Николае. А мне все равно было жалко платок. И ведь не маленький я, а жалко. Привык к собакам. Но тут я перевел глаза на Сойку. Что случилось с ее лицом — просто не передать. Какие у нее были испуганные, недоверчивые, настороженные глаза! Она не верила своему счастью. Ей эти собаки нравились, видно, еще больше, чем мне. У меня после этого всю мою жадность как рукой сняло.

— Эту собаку зовут Джаз, — сказал я. — А вот этого маленького песика Подкидыш. Остальным ты сама придумай имена.

— До свидания. — Она торопилась побыстрее уйти. — Я их уже полюбила.

Мы молча дошли до дома. Я разделся и лег спать.

— Мне кажется, что он все время был жив, — сказал я, — а погиб только вчера.

— Спи, Толя. Пересчитай, сколько над нами звезд, и заснешь.

— А ты?

— Мне не заснуть, мне звезды уже не помогают. Я дождусь деда.

На следующее утро я встал рано и ушел на рыбалку. Я любил ловить рыбу. Правда, я был плохой рыбак, вечно зевал, когда начинался клев. Но я любил

ловить рыбу. На море тихо. Солнце. И настроение то веселое, то грустное. Можно додумать о маме, о дяде Косте и о дедушке. Можно поговорить с папой. Так, про себя. А сегодня я придумал написать папе письмо. Пусть многим это покажется странным, а я все равно напишу. Мне так захотелось написать ему письмо, я ведь никогда ему не писал. Напишу и отправлю Лешке.

Лешке можно, он поймет.

Тихо на море. Солнце искрится в воде. И никто тебе не мешает — что хочешь, то и придумывай. «Хорошо, что мы с дядей Костей любим море, подумал я. — И хорошо, что есть такой дядя Костя». Но папе я тоже не могу изменить, и я придумал: буду морским летчиком.

Когда я возвращался, то увидал маму, она шла к пристани.

«В Ялту едет, — догадался я. — В горвоенкомат. Искать папиных товарищей».

Мама была в белом платье, которое давным-давно не надевала, и в белых туфлях на высоком каблуке.

У причала стоял теплоход дяди Кости. Мама поднялась на пирс, и ей навстречу вышел дядя Костя. Мне очень хотелось подойти к ним, но, я почему-то не подошел. Я спрятался за будку билетной кассы и смотрел за ними. Я почти ничего не видел, только широкую спину дяди Кости в белом кителе.

Потом теплоход отчалил.

Я долго смотрел вслед теплоходу, пока он не превратился в маленькую белую точку, сверкающую на солнце.

На верхней набережной я встретил отряд артековцев. Они шли строем. В белых рубашках с красными галстуками и в коротких синих трусах. Загорелые. У них был настоящий крымский загар — светло-коричневый. Такого загара нигде не встретишь.

Почему-то, когда артековцы появлялись на улицах Гурзуфа, прохожие останавливались и смотрели на них. И сейчас все остановились, и я тоже остановился. А вожатый артековцев скомандовал, и они громко крикнули: «Всем-всем — доброе утро!»

Мне очень нравилось, что они так кричали.

После встречи с артековцами настроение у меня стало совсем хорошее. Спокойное такое и чуть-чуть грустное, но хорошее.